

— Да исполни же ты моё желание!..

— Исполни моё желание!..

Эти слова грохотали в ушах Лин Шу, отзываясь в голове оглушительным гулом. Мысли путались, сознание плыло.

Ян Е бесцеремонно заливал в него хмельную влагу. Лин Шу задыхался, его бил безудержный кашель, а на длинных ресницах дрожали мелкие прозрачные капли, удивительно похожие на слёзы.

Осушив кувшин до капли, Ян Е с прищуром оглядел свою жертву и с усмешкой спросил:

— Ну как? Каково на вкус?

Лин Шу мелко дрожал, но из последних сил выплюнул сквозь зубы:

— Проваливай...

Его мертвенно-бледные, словно резной нефрит, щёки теперь горели лихорадочным, нежно-розовым румянцем. Взгляд затуманился, сделался сонным и неверящим.

Глядя на него, Ян Е почувствовал, как по жилам разливается обжигающий жар. Он обхватил лицо Лин Шу ладонями, притянул к себе и грубо, иступлённо впился в его губы, целуя со слепой, почти безумной страстью. К его удивлению, Лин Шу не стал отчаянно вырываться, как делал всегда. Ослабев, он податливо замер, и в этой мягкости сквозило безвольное, неосознанное согласие.

Ян Е, хмелея от близости, уловил эту перемену и про себя злорадно ухмыльнулся.

«Неужели этот сухарь под действием хмеля наконец-то сообразил, в чём прелесть? Моё решение напоить его было гениальным!»

И он зацеловал его с новой силой — безудержно, упоенно, отдаваясь ласкам со всей страстью, словно птица, дорвавшаяся до весеннего леса, или рыба, резвящаяся в пруду среди кувшинок.

Однако вскоре он понял, что ошибся.

Ян Е отстранился и взглянул на Лин Шу. Тот лежал с закрытыми глазами, бессильно откинув голову; мягкие угольно-черные пряди рассыпались по плечам. Помедлив, Ян Е коснулся его щеки — кожа была горячее, словно в лихорадке. Лин Шу не шевелился. Он просто потерял

сознание, окончательно опьянев.

Не в силах совладать со вспыхнувшим вожделением, Ян Е скользнул ладонью вниз. Воротник на халате Лин Шу был застёгнут наглухо; он с треском разорвал ткань и бесцеремонно запустил руку внутрь, касаясь упругой, шелковистой кожи. Сердце Ян Е заколотилось как сумасшедшее. Голос его сорвался на хриплый полушёпот:

— Лин, сучий ты потрох... Ты ведь за нашей спиной императору доносы строчил. Мне бы заживо тебя на куски изрезать, да только остальные трусят. Заладили своё: «Он любимчик императора, навлечём на себя вечную беду!..» Но я тебя, тварь, отпускать не намерен. Ты...

Он прильнул к лицу Лин Шу, дразняще мазнул губами по щеке и зашептал прямо в ухо:

— Император тебя балует? И как же он это делает, а? Знаешь, я ведь исхожу завистью. Сегодня я вырву добычу прямо из тигриной пасти. Сначала поимею тебя, а потом прикончу! И отправляйся хоть в самую преисподнюю — жаловаться ты всё равно не станешь. Слишком уж стыдно тебе будет признаться, как именно тебя разложили.

Бессвязно бормоча, Ян Е принялся развязывать путы на Лин Шу. Едва верёвки упали, он потянулся к его одежде. Обычно он раздевал других ловко и привычно, но сегодня пальцы его почему-то мелко, предательски дрожали. Разозлившись, он с силой шлёпнул себя левой ладонью по правой тыльной стороне.

«Куда дрожишь, паршивая!»

Получив нагоняй, правая рука наконец подчинилась и перестала дрожать.

Стоявший неподалёку Нянь Вэй, услышав этот резкий хлопок, задрожал от страха. Зубы его застучали от ужаса.

Ян Е только сейчас сообразил, что слуга всё ещё топчется в шатре. «Значит, этот олух всё видел», — подумал он. Уж следующее зрелище посторонним глазам точно предназначаться не могло. Он обернулся и резко скомандовал:

— Пошёл вон из шатра! Стереги снаружи и никого не подпускай.

— Милорд... это... это ведь неправильно, — дрожащим голосом пролепетал Нянь Вэй. — Если его высочество Князь Чжао узнает... Вас-то он ругать не станет, а с меня три шкуры спустит!

Ян Е усмехнулся:

— Что-то я не слышал, чтобы от ругани кто-то помирал. Прекрати паясничать, мне это надоело.

Иди стереги, будь умницей. А не то я женю тебя на Фэн Гэ!

Имя Фэн Гэ подействовало как сокрушительное оружие. Завеса шатра колыхнулась, и верный телохранитель в панике ретировался.

Ян Е подхватил податливое тело Лин Шу и уложил его на постель.

Ещё перед тем как войти в шатёр, он кипел от ярости. Он собирался жестоко растерзать Лин Шу, как злейшего врага, осквернить его самым унижительным образом, чтобы тот от стыда наложил на себя руки. Но стоило Ян Е прижать к себе это тёплое, нежное тело, как в его движениях невольно появилась осторожность.

На теле Лин Шу виднелось больше десятка ран, сочащихся сладковатой кровью. Кое-где нижнее бельё присохло к порезам. Сначала Ян Е стягивал одежду бережно, стараясь не тревожить раны, но вскоре его терпение лопнуло, и движения стали нетерпеливыми, рваными. Всякий раз, когда ткань срывала запёкшуюся корку, Лин Шу судорожно вздрагивал от боли, но так и не приходил в себя. Раны снова открылись, и на кожу лениво потекли свежие струйки крови.

Запах крови лишь сильнее разжигал тёмное, животное вожделение. Разум Ян Е окончательно помутился. Плевать на раны, плевать на кровь — сейчас он хотел лишь одного: насытиться этой плотью.

Безвольное тело имело свои неоспоримые преимущества: былая холодность и ярость Лин Шу испарились без следа. Теперь перед ним лежала беззащитная, податливая кукла. Лин Шу уткнулся щекой в собственную ладонь, глядя на удивление послушным и кротким. Его шёлковые чёрные волосы разметались по подушке, рисуя картину столь манящую, что у Ян Е перехватило дыхание.

Мир полон живых душ, но лишь человеку суждено нести бремя вечных забот и печалей. И только на ложе любви можно урвать миг полного, безудержного забвения. Падение в эту бездну дарило сладостную истому: на самом краю блаженства и гибели, когда замирает дыхание, а разум взмывает к небесам и рушится в преисподнюю. Эта греховная сладость кружила голову, затмевая всё на свете.

Но были у беспамятства пленника и свои минусы. Когда страсть Ян Е достигла апогея, унося его в туманные чертоги грёз, ему опостылело играть в одни ворота. Ему хотелось взаимности, хотелось, чтобы Лин Шу вторил его движениям, взлетая вместе с ним к вершинам экстаза. Однако как бы сильно Ян Е ни старался, Лин Шу лежал неподвижно, сжав бледные губы. Ни единого стона, ни единого вздоха. И это безучастие злило до глубины души.

Глубокой ночью на улице разыгрался ветер, но в шатре царил согретый дыханием полумрак. На шёлковых простынях разворачивалось иное таинство — жаркое и неистовое.

Влажные от пота пряди волос Ян Е липли к груди Лин Шу. Он жадно сжимал в руках это упругое тело, сминая кожу до белых следов, пачкая пальцы в тёмной липкой влаге — крови из их потревоженных ран, своей и чужой. Пальцы Ян Е скользнули к его груди, лаская напрягшийся сосок, покалывающий кожу ладони подобно робкому клювику новорождённой птицы. Находя в этом забаву, Ян Е хрипло рассмеялся и прошептал:

— И откуда в тебе столько спеси? Подумаешь, императорский любимчик... Возомнил себя выше всех на свете. Продажная ты девка, чем ты гордился? Теперь ты в моих руках, и я волен делать с тобой всё, что пожелаю. И кто тебе теперь поможет?

Ладонь скользнула ниже, очерчивая изгиб талии.

— Лин Шу... А ты похудел с нашей последней встречи. Местная стряпня пришлась не по вкусу? Ну ещё бы, в этой глуши приличной еды не сыщешь. Зачем ты вообще притащился за мной в такую даль? Неужели только ради того, чтобы раздвинуть предо мной ноги? Ну и шлюха же ты... Эй, я тут распинаюсь перед тобой, подай хоть какой-то знак! Стони, кричи от боли — тебе что, совсем не больно?

Снаружи завывал буран, в шатре же стояла глухая тишина.

— Слышишь, Лин, су... — Ян Е внезапно осёкся и горько усмехнулся. — Нет, так тебя больше называть нельзя. Раньше это было оскорблением, а теперь, если я буду тебя крыть, выйдет, что я сам себя мешаю с грязью. Настолько глупым я быть не собираюсь.

Спутавшиеся волосы Лин Шу намокли и прилипли ко лбу. Ян Е бережно отвёл их в сторону и почувствовал, что кожа влажная и холодная — несчастного бил озноб даже в беспамятстве. Отыскав наощупь валявшийся у изголовья платок, Ян Е осторожно отёр холодный пот с его лица.

Покопавшись в груде разбросанной одежды, он наткнулся на флакон с целебной мазью. Неторопливо, обрабатывая один порез за другим, он смазал раны Лин Шу, а затем, разорвав чью-то нательную рубаху на ленты, кое-как перевязал его. При этом он продолжал самодовольно ворчать:

— Видал, какой я добрый? Настоящий образец благородства — плачу добром за зло! Захоти я по-настоящему тебя растоптать, швырнул бы в барак к лагерным шлюхам на потеху голодным солдатам. С твоим-то гонором ты бы и до утра не дожил. А так к тебе притронулся только я. Я, между прочим, императорской крови, красив как божество, так что для тебя лечь под меня — великая честь. Не смей воротить нос. Скажи спасибо, что моих братьев сейчас нет рядом, и они ещё не решили, что с тобой делать. Иначе... Хм, молись, чтобы они не вернулись.

Наговорившись вволю, он устало повалился на бок, натянул одеяло и обнял Лин Шу. Ян Е собирался ещё немного полюбоваться своей добычей, но изнурительная страсть взяла своё: веки потяжелели, и он мгновенно провалился в глубокий сон.

Ночь тянулась бесконечно, наполняя разум Лин Шу удушливыми, мучительными кошмарами. Когда он открыл глаза, ему показалось, что он всё ещё в столице — среди запертых теремов и тяжёлых парчовых занавесей. Но сквозь пелену забытья проступил грубый серый купол шатра, а уши уловили свирепый вой ветра.

Он был на чужбине, в бескрайней степи.

Сознание возвращалось медленно и мучительно. Он повернул голову и оцепенел, столкнувшись лицом к лицу с источником своих кошмаров.

Ян Е спал рядом с ним, безмятежно и глубоко. Его ресницы отбрасывали на щёки ровные тени, а на губах блуждала сытая, порочная усмешка хищника, насытившегося роскошной добычей. Его рука тяжело и властно лежала на пояснице Лин Шу, а ладонь другой была подложена под щёку. Лицо Ян Е, и без того распухшее от вчерашних побоев, теперь окончательно перекосилось от подушки, лишая его даже намёка на некогда привлекательные черты.

Лин Шу долго смотрел на него, чувствуя, как в груди закипает глухой, удушливый гнев.

«Этот ублюдок... Небо послало его на мою голову лишь для того, чтобы растоптать меня и смешать с грязью...»

Никогда в жизни он не подвергался столь чудовищному унижению. От стыда и бессилия хотелось выть, но разум требовал действия.

Спустя вечность, когда оцепенение немного спало, он осторожно осмотрелся. Одежда обоих валялась на полу грязной кучей. Его верный меч Чжэньбин лежал у самого входа в шатёр, а рядом с ним покоилось копьё Ян Е — должно быть, их принесли и оставили слуги. Чуть поодаль, на оружейной стойке, висел лук со стрелами и тяжёлая сабля.

Все клинки были слишком далеко. До них не дотянуться.

Он попытался шевельнуться, но тяжёлая рука Ян Е сковывала движения, а поясницу при малейшей попытке сдвинуться пронзила такая острая, разрывающая боль, будто хребет переломили надвое. Лин Шу заскрежетал зубами. Прикрыв глаза, он замер и принялся осторожно, сантиметр за сантиметром, перебирать пальцами ворох разбросанного тряпья возле подушки.

Вдруг пальцы коснулись чего-то холодного и твёрдого. Это была короткая сабля в ножнах. Сердце Лин Шу бешено заколотилось. Ян Е в своём похотливом угаре проявил непростительную беспечность, позабыв припрятать это оружие.

Он медленно сжал рукоять пальцами. В этот момент Ян Е сонный заворочался, издал невнятный стон и приоткрыл глаза.

— Лин Шу... Ты ещё здесь? — пробормотал он и привычно потянулся ладонью к его бедру.

Мешкать больше было нельзя. Лин Шу резко выхватил клинок и с размаху вонзил его в спящего.

Сквозь остатки сна Ян Е уловил свист рассекаемого воздуха. Инстинкт воина сработал быстрее разума: он рванулся в сторону, уклоняясь от удара. Но они лежали слишком близко — сталь вспорола ему спину. Короткий клинок оставил глубокий, до самой кости, порез, и на простыни брызнула горячая кровь.

Ян Е взвыл от боли. Ослеплённый яростью, он наотмашь нанёс сокрушительный удар ладонью. Оружие вылетело из рук Лин Шу, а сам он кубарем покатился по полу, тяжело рухнув на землю.

Перед глазами всё поплыло. Превозмогая дурноту, Лин Шу попытался поползти до своего меча Чжэньбин, но едва приподнялся, как спину пронзила дикая вспышка боли. Она хлынула волной от поясицы к лопаткам, лишая сил. Ахнув, он снова повалился на землю.

Не желая сдаваться, он схватил первое попавшееся тряпье, кое-как прикрыл наготу и на карачках ринулся к мечу. Сзади послышался хриплый, полный злобы и боли стон Ян Е:

— Ах ты тварь неблагодарная!.. Прирезать меня вздумал?! Я вчера из кожи вон лез, всю душу в тебя вложил, изнурил себя ради твоего удовольствия, а ты мне нож в спину?! Ой... Эй, живые есть?! Сюда, меня убивают!..

Лин Шу стиснул зубы. С мечом Чжэньбин в руках он хотел обернуться и прикончить этого мерзавца раз и навсегда, но снаружи раздался торопливый топот ног. Приближалось несколько человек. Отбросив боль, Лин Шу вскочил. В ту же секунду полог шатра отлетел в сторону, и внутрь ворвались испуганные Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь.

— Милорд, что случи... — начал было Нянь Вэй, но осёкся.

Навстречу им хлынула ледяная волна убийственной ауры. Телохранители среагировали мгновенно, выхватив клинки, однако под сокрушительным ударом Чжэньбина их оружие с громким звоном разлетелось на куски.

Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь действовали как один слаженный механизм. Даже лишившись мечей, они не отступили: синхронным движением они швырнули обломки клинков прямо в лицо Лин Шу. Удары были направлены безжалостно, на поражение.

— Не смей!.. — хрипло выкрикнул с постели Ян Е.

Телохранители на мгновение замерли в замешательстве.

Этой мимолётной заминки Лин Шу хватило, чтобы взмахом меча отразить летящие в него осколки стали. Разворачиваясь для побега, он пообещал себе больше никогда не смотреть на своего мучителя, но взгляд против воли скользнул к постели.

Ян Е ничком лежал на краю кровати. Окрашенный собственной кровью, бледный как смерть, он вдруг поймал взгляд Лин Шу и нагло, издевательски улыбнулся. В его глазах не было ни капли страха — лишь торжество и чистый, неприкрытый триумф победы.

<http://bllate.org/book/19546/1988248>